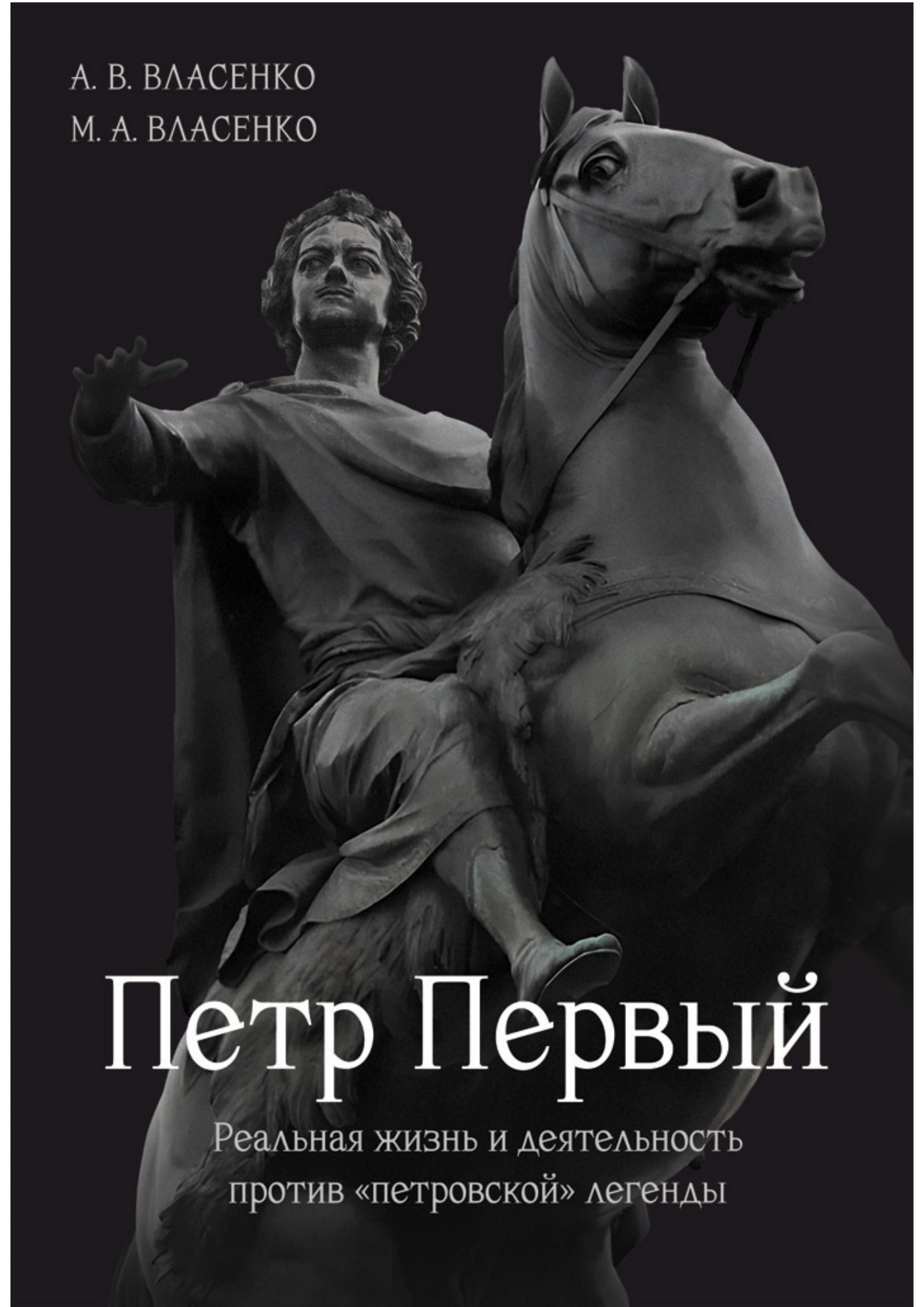

А. В. ВЛАСЕНКО
М. А. ВЛАСЕНКО

Петр Первый

Реальная жизнь и деятельность
против «петровской» легенды

Максим Власенко

**Петр Первый. Реальная
жизнь и деятельность против
«петровской» легенды**

Издательско-Торговый Дом "СКИФИЯ"

2026

УДК 94(47).03
ББК 63.3(2)51

Власенко М. А.

Петр Первый. Реальная жизнь и деятельность против «петровской»
легенды / М. А. Власенко — Издательско-Торговый Дом
"СКИФИЯ", 2026

ISBN 978-5-00025-436-3

Очерки о Петре Первом содержат интересные и малоизвестные факты биографии первого императора всероссийского, изложенные в работах различных историков и в архивных документах. Предлагается широкому кругу читателей, интересующихся правдивой историей России. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(47).03
ББК 63.3(2)51

ISBN 978-5-00025-436-3

© Власенко М. А., 2026
© Издательско-Торговый Дом
"СКИФИЯ", 2026

Содержание

От автора	7
Предисловие	8
Часть первая	13
Глава первая	13
Глава вторая	17
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Александр Власенко, Максим Власенко

Петр Первый. Реальная жизнь и деятельность против «петровской» легенды

© Власенко М. А., 2026

© Оформление. ООО «Издательско-Торговый Дом „Скифия“», 2026

От автора

Книга издается в память о моем отце, Александре Владимировиче Власенко, создавшем, по сути, краткий исторический очерк о Петре Первом, включающий интересные и малоизвестные факты его биографии, связанные с историей России. Книга посвящена, в первую очередь, Санкт-Петербургу.

Отец всю жизнь увлекался историей, работал в архивах Крымского исторического фонда, изучал работы известных ученых-историков, собирал коллекцию исторических книг.

Записи отца после его смерти я собрал и переработал и теперь предлагаю вниманию читателей нашу совместную книгу. Комментарии Александра Владимировича в книге помечены в виде знака «А. В.».

Выражаю благодарность за помощь в издании книги: Ирине Павловне Власенко, Александру Александровичу Шишкину, Юрию Николаевичу Тамарскому, коллективу издательства «Скифия» и всем жителям Санкт-Петербурга, оказавшим, так или иначе, содействие и помощь.

Максим Власенко

Предисловие

Наверное, из всех гуманитарных наук история самая непостоянная наука. Есть даже мнение, что история – не наука, поскольку «каждая новая власть переписывает ее под себя». Нас такое, мягко скажем, не совсем умное мнение не интересует. Можно сказать более деликатно: Клио, муза истории – ветреная девица. А вот эпоха, политический строй, правители государства оказывают огромное влияние на Клио. Особенно хорошо это видно по истории XX столетия.

После октябрьского переворота 1917 г. изложение истории претерпело огромные изменения. Наследие «царизма» осуждалось. Большевикам нужна была «красная» Клио со своими героями. Вот и появились у «красной» Клио герои из числа «борцов» за революцию, красных командиров Гражданской войны, «строителей социализма». Но не прошло и двух десятилетий после 1917 г., как у «красной» Клио изменилось отношение к большинству новоявленных «героев». «Творцы революции» (Троцкий, Каменев, Зиновьев, Бухарин и ряд других), большинство «выдающихся» военачальников (Тухачевский, Блюхер, Егоров, Якир, Уборевич, Корк, Примаков и другие) стали «врагами народа», «вредителями», «иностранными шпионами».

За время строительства социализма в СССР у Клио, теперь уже «социалистической», появился новый кумир – Сталин. Отношение к происходящим в то время событиям и к личностям муза истории «согласовывала» со Сталиным. Однако, прошло чуть более трех лет после смерти «великого вождя всех времен и народов», и Клио «разоблачила» сталинский «культ личности». Рухнул социалистический строй, и Клио сбросила красную окраску, но до сих пор не может определиться с «цветом». Часть историков подвергает осуждению и «разоблачению» все большевистское, советское, и прославляет все дореволюционное, а также Белую армию и ее руководителей. Другая часть историков делится воспоминаниями о «прекрасном социалистическом прошлом». Незначительная часть историков занимает «среднюю» позицию.

Но есть у Клио в русской истории любимчик, отношение к которому вот уже почти триста лет не меняется. Любимчик этот – Петр I или Петр Великий. Возвеличивание этого царя, поддерживаемое всеми «послепетровскими» властями России, было названо известным советским историком Л.Н. Гумилевым «петровской легендой».

Восхваление Петра I началось еще при его жизни, но тогда не приняло всеобщего характера. В основном этим занимались его приближенные, причем, не гнушаясь доходить до кощунства, сравнивая его с Богом. Митрополит Феофан (Прокопович), не раз приветствовал царя, приходившего на застолья, стихами Священного писания, которые прославляют Господа: «Се Жених грядет в полунощи...», «Бог Господь и явился нам, благословен Грядый во имя Господне». Приближенный Петра I, простой токарь, механик-изобретатель А. К. Нартов, называл его «земным богом».

Обожествление Петра I не ограничилось его приближенными. Так, Ломоносов писал, что «ежели человека, Богу подобного, по нашему понятию, найти надобно, кроме Петра Великого не обретаю».

Один из «важнейших» поэтов XVIII в. Державин, в привычных для него восторженных тонах, писал о Петре: «Как Бог, великим провиденьем / Он все собою озирает». И далее: «Не Бог ли в нем сходил с небес?» Советский и российский историк, автор многих работ о Петре I и его реформах, Е. В. Анисимов пишет: «Такой культ персоны монарха – явление, не знакомое русской политической культуре предшествующего времени». Обращаем внимание – «политической культуре предшествующего времени».

Официальная «петровская» легенда о мудром царе-преобразователе, прорубившем «окно в Европу», родилась при Екатерине II. Под влиянием этой легенды оказалось большин-

ство выдающихся людей России (Ломоносов, Державин, Пушкин, Лермонтов, художники Ге и Суриков и многие другие) и практически все дворянство (крестьянство имело на этот счет свою точку зрения). Уже тогда появились мнения о «революционности» Петра. В своих исторических заметках Пушкин писал: «Петр I – одновременно Робеспьер и Наполеон (воплощение революции)».

Почувствовал в Петре родственную душу и «первый русский революционер» Герцен. Так, он писал, что потомство русских царей дало «Петра – подлинное воплощение революционного начала, скрытого в русском народе». И далее: «к концу XVII столетия на царском престоле появился смелый революционер, одаренный всесторонним гением и непреклонной волей», «Петр Великий был первой свободной личностью России и, уже по одному этому, коронованным революционером». Польский писатель К. Валишевский, автор книги «Петр Великий», писал, что преобразования Петра «носят характер революции».

Огромный вклад в дело укрепления «петровской» легенды внес выдающийся русский историк С. М. Соловьев, автор 29-томного фундаментального труда «История России с древнейших времен». Восхваления Петра у Соловьева, наверное, на уровне выше приведенных высказываний Ломоносова и Державина. При этом он не забывает сподвижников Петра и весь этот «отдел русской истории» характеризует в метафорическом стиле: «Петр со своими сподвижниками заканчивает, собственно говоря, древний, богатырский отдел русской истории. Это последний и величайший из богатырей; только христианство и близость к нашему времени избавили нас (и то не совсем) от культа этому полубогу и от мифических представлений о подвигах этого Геракла».

«Петр был представителем, вождем своего народа в деле народном» – эта фраза Соловьева абсолютно надумана. Мнение народа о Петре будет изложено в тексте. А вождем Петр был только дворянства, поскольку «петровская» легенда – это изобретение дворянское и им культивируемое. Ведь именно с Петра I дворянство стало главным и паразитирующим классом России. Соловьев, хоть и не был дворянином (отец его был протоиереем, законоучителем Московского коммерческого училища), но дворянская легенда для него «своя».

Кстати, писав о Петре, как «вожде своего народа в деле народном», Соловьев «выдает» фразу, которая свидетельствует как раз о противоположном: «В нем (Петре. – А. В.) не было ничего, что старинные русские люди привыкли соединять со значением царя; это герой в античном смысле; это в новое время единственная исполинская фигура, каких мы видим много в туманной дали, при основании и устройении человеческих обществ». То есть, если русские не видели в Петре того, что «привыкли соединять со значением царя», то и не пойдут за ним. История, не искаженная дворянством и прочими почитателями Петра, это подтвердила.

Не обошел своим вниманием Соловьев и, так сказать, «крестную» мать «петровской» легенды, Екатерину II, естественно, в «связке» с Петром I (недаром величественный памятник Петру в Санкт-Петербурге поставлен от имени Екатерины): «В России более, чем в каком-нибудь другом европейско-христианском государстве, общество, вследствие своей истории, предоставило простора для деятельности верховной власти, и потому неудивительно, что в России XVIII в. мы встречаем двоих государей с неимоверной деятельностью – Петра I и Екатерину II».

От «царизма» перейдем к «большевизму» и его «наследникам». Большевики, придя к власти, стали усиленно, хотя и не сразу (с 1930-х гг.) внедрять в массы «петровскую» легенду. Еще бы, ведь первый коммунист К. Маркс, ненавидевший все русское, с большой симпатией относился к Петру I. «Царь... от природы наделен большим и предприимчивым умом и чисто политическим гением» – писал о Петре Маркс, в своей работе «Разоблачение дипломатической истории XVIII века». А вот что там же писал он о русских, не забыв при этом Петра:

«Московия была воспитана и выросла в ужасной и гнусной школе монгольского рабства. Она усилилась только благодаря тому, что стала virtuoso (виртуозной, итал. – Прим. ред.) в

искусстве рабства. Даже после своего освобождения Московия продолжала играть свою традиционную роль раба, ставшего господином. Впоследствии Петр Великий сочетал политическое искусство монгольского раба с гордым стремлением монгольского властелина, которому Чингисхан завещал осуществить свой план завоевания мира».

Да и Энгельс был почитателем русского царя. Ленин не только с симпатией относился к Петру, но и «глубоко раскрыл» содержание петровских «преобразований». Но, наверное, главной причиной такой любви большевиков к царю Петру было то, что, по мнению русского философа Н.А. Бердяева, «приемы Петра были совершенно большевистские». Это же уловил и поэт Максимилиан Волошин, который в поэме «Россия» писал: «Великий Петр был первый большевик».

Большевистские антирелигиозные манифестации и представления явились прямой аналогией со «всешутейшим и всепьянейшим собором». Сталин, называвший Петра I фамильярно «Петрухой», не только «пропагандировал» царя-«реформатора», но и брал на вооружение его методы. Возьмите хотя бы непомерное обложение крестьян налогами, систему разрешений крестьянам на выезд из деревни (колхозники в СССР могли выехать из своего села только по разрешению – паспорта им начали выдавать с середины 1960-х гг.), сталинские застолья, где присутствующих напивали с целью узнать их мысли.

Значительную роль в закреплении «петровской» легенды сыграло искусство. В первую очередь это относится к роману «красного графа» Алексея Толстого «Петр Первый». Хотя в романе и описываются «забавы» Петра, казни, самодурство, пьянки, читатель на эти моменты не обращает особого внимания. Ведь основная сюжетная линия – восхваление царя, его борьба против «косности» боярства и прочих противников реформ, приведение России от «невежества» к «цивилизации», талантливо написанная – вызывает у читателя симпатию. Страдания противников, их казни воспринимаются так же, как в кинокомедии травмы, увечья, даже смерть отрицательных героев – над ними просто смеются, забывая о сочувствии и сострадании.

Не обошла своим вниманием личность Петра I и очень популярная в СССР серия биографий «Жизнь замечательных людей». В 1948 г. этой серии была издана книга известного советского историка В. В. Мавродина «Петр Первый». С таким же названием в серии «ЖЗЛ» в 1975 г. была выпущена книга другого известного исследователя петровского времени Н.П. Павленко. Причем эта книга переиздавалась не менее пяти раз сотысячными тиражами.

Свою роль в «петровской мифологии» сказал и, по Ленину, одно из «самых важное из искусств», – кино. Еще более недостоверный, чем роман, фильм «Петр Первый» сыграл, наверное, самую главную роль в утверждении Петра как великого преобразователя в умах миллионов граждан в СССР. Еще бы, при дефиците фильмов, этот фильм смотрело по несколько раз не только довоенное поколение, но и послевоенное. В 1960-х гг. фильм восторженно крутили в сельских и поселковых клубах. Да и впоследствии советский кинематограф не оставлял вниманием петровскую тему. Художественные фильмы «Юность Петра», «В начале славных дел», «Россия молодая» (9-серийный), «Табачный капитан» и ряд других, косвенно связанных с Петром I, «подпитывали» любовь народа к этому царю.

«Пропагандистский вымысел русской царицы немецкого происхождения, узурпировавшей трон, подавляющее большинство и по сию пору принимает за историческую действительность». Эти слова, написанные известным историком Л. Н. Гумилевым в 1990-х гг., актуальны и сегодня. Большинство граждан России (как и значительная часть жителей Украины и Белоруссии и русскоязычные жители других стран – бывших республик СССР) до сих пор принимают эту легенду за историческую действительность. Это подтвердил и проходивший в 2008 г. опрос «Имя России». По его результатам Петр I вошел в первую десятку великих деятелей России. Неудивительно, что в уже «демократической» Москве был установлен огромный памятник Петру I (до сих пор являющийся предметом споров). Его имя носят один из самых мощных атомных крейсеров Северного флота России и одна военная академия.

Споры о личности царя Петра и его реформах ведутся с XIX столетия. Однако это споры как борьба двух борцов в различных весовых категориях – тяжелой и наилегчайшей. Вот что об этом пишет Е. Анисимов в предисловии своей книги «Время Петровских реформ»:

«С давних пор в оценке Петра исследователи разделялись на „славянофилов“ и „западников“, точнее – „государственников“. Примечательно, что слабые голоса первых, обративших внимание на урон, который понесла традиционная русская культура в результате внедрения в нее чуждых ей западных элементов, подавлялась мощным хором „государственников“, доказывающих с привлечением бесчисленного количества исторических документов своевременность, пользу и ценность реформ, их блестящие результаты».

«Мощный хор» был сформирован дворянством, которое с петровских времен начало превращаться в «западников» и уже в XIX в. стало таковыми, практически поголовно. Помните, на каком языке писала письмо пушкинская Татьяна Онегину:

Она по-русски плохо знала,
Журналов наших не читала
И выражалась с трудом
На языке своем родном.
Итак, писала по-французски...

Дворяне, в особенности высший свет, «русским языком владея слабо и с трудом, его так мило искажали, и в их устах язык чужой не обратился ли в родной?». Дворянская традиция была перенята интеллигенцией, в значительной своей массе, мягко сказать, не пребывавшей в восторге от всего русского. Поддержали «мощный хор» и советские историки.

Среди незначительного числа историков, писателей и публицистов, не поддерживавших «петровскую» легенду, особое место занимает И.Л. Солоневич¹. Он одним из первых сделал анализ всем петровским «реформам» и их последствиям. Работы Солоневича стали публиковать в России и Белоруссии (как уроженца Гродненской губернии) только после распада СССР. В постсоветское время, когда был открыт доступ практически ко всем материалам и работам, связанным с петровским временем, попытки опровержения «петровской» легенды были единичны. А общая тенденция восхваления Петра и его реформ наоборот расширилась.

Но не нужно думать, что Петр не подвергался порицаниям и осуждению. В начале нынешнего века в серии «Русский путь» была выпущена книга «Петр Великий: pro et contra» (Личность и деяния Петра Первого в оценке русских мыслителей и исследователей). Это не совсем обычное издание, как пишется в его предисловии, «совмещает в себе черты антологии, справочника и аналитического исследования». В этом издании, кроме прочего, приводится лекция историка русской литературы О. Ф. Миллера «Об отношениях русской литературы к Петру Великому», прочитанная на студенческом вечере 9 февраля 1873 г. Миллер, в частности, говорил:

«Первым из выдающихся лиц екатерининского времени, решившимся порицать Петра (и то не сразу – сначала он был сторонником его преобразований), является умный, но странный по путанице своих понятий, кн. М.М. Щербатов»². Обращаем внимание, что это было «екатерининское время», т. е. период, когда и оформилось почитание Петра.

Заметим, что памфлет Щербатова «О повреждении нравов в России» не единожды выпускался в СССР. Но это не оказало никакого влияния на официальную версию, т. е. «петровскую» легенду. Поэтому, автор настоящей книги не удивился, когда в 2005 г. взял

¹ Солоневич Иван Лукьянович (1891–1953) – русский мыслитель, публицист и общественный деятель; с 1934 года, после побега с сыном и братом из советского концлагеря, эмигрант, главное сочинение – «Народная монархия».

² Щербатов Михаил Михайлович (1733–1790), князь – историк, писатель, публицист, переводчик. Сын М. Ю. Щербатова, одного из сподвижников Петра I.

книгу П.Н. Милокова³ «Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформы Петра Великого» (1905) в читальном зале библиотеки «Таврика» Центрального музея Тавриды и увидел неразрезанный книжный том.⁴ Получается, что за, как минимум, шестьдесят лет (если считать со времени освобождения Крыма от нацистов в апреле 1944 г) ни один историк или просто любитель этой книги не касался.

Заканчивая наше предисловие, обратим внимание на следующий факт. В послесловии книги «Петр Великий: pro et contra», озаглавленном «Формула Петра Великого», пишется, что известный ученый и публицист Н. К. Михайловский, в 1872 г. в дни 200-летнего юбилея Петра Великого, «пытаясь обозреть необъятное море „литературы о Петре“, пришел к парадоксальному выводу»:

«Истинная „формула Петра“ до сих пор все еще неясна русскому обществу»: «Эта фигура, хоть над ней и много работали, и до сих пор еще состоит из отдельных кусков, не сложенных, не спаянных, не охваченных общею идеею. И думаю, что большинство общества не знает Петра как личности, как характера, очевидно, выкроенного руками природы и русской истории из цельного куска и в то же время полного, по-видимому, противоречий».

Автор послесловия А. А. Кара-Мурза⁵ к сказанному выше добавляет: «Нечто подобное, вероятно, испытал и читатель данной книги, ознакомившись с новой, еще более расширившейся, по сравнению с временами Михайловского, „коллекцией суждений о Петре Великом“. Какова же все-таки она, интегральная „формула Петра Великого“? Да и возможна ли она?»

Полностью согласен с предположением А. Кара-Мурзы, что читатель книги «Петр Великий: pro et contra» также не смог узнать Петра. Расширившаяся «коллекция суждений о Петре Великом» это усложняет. Поэтому, чтобы составить собственное мнение о Петре I, мы предлагаем рассмотреть факты его жизни и деятельности, изложенные в работах различных историков и в архивных документах. Для удобства восприятия изложенного материала мы распределили его на шесть частей.

³ Милоков Павел Николаевич (1859–1943) – русский политический деятель, историк и публицист. Лидер конституционно-демократической партии (Партии свободы, кадетской партии). Министр иностранных дел Временного правительства в 1917 г. Выходец из дворянской семьи. В 1892 г. защитил магистерскую диссертацию по теме: «Государственное хозяйство России первой четверти XVIII в. Реформа Петра Великого». К моменту защиты диссертация была издана в виде монографии, а у молодого ученого уже было громкое имя в научном мире. После защиты диссертации было даже внесено предложение о присвоении Милокову сразу докторской степени. Однако категорически против выступил его учитель в Московском университете В. О. Ключевский, который склонил на свою сторону ученый совет. Главный исторический труд Милокова – «Очерки по истории русской культуры». Первое издание «Очерков» вышло в 1896–1903 гг. в трех выпусках и четырех книгах. В России до 1917 г. вышло 7 изданий «Очерков».

⁴ Технология изготовления книг раньше была иной, чем теперь. В типографии их печатали не постранично, а на одном листе сразу несколько страниц, с обеих сторон листа. Потом эти листы складывали и сшивали. Книга оказывалась состоящей из сложенных пачек бумаги, и чтобы ее прочесть, нужно было, пользуясь специальным ножом для разрезания бумаги, разъединить эти пачки на отдельные страницы.

⁵ Кара-Мурза Алексей Алексеевич (род. в 1956 г. в Москве) – окончил исторический факультет Института стран Азии и Африки при МГУ (1978). Кандидат исторических наук (1981). Доктор философских наук (1994), профессор. Академик Российской академии гуманитарных наук. Автор 12 монографий и более 200 научных статей.

Часть первая

Европа и допетровская Россия

Глава первая

О «процветающей» Европе

Все официальные суждения о реформах Петра I сводятся к следующему: Москва чудовищно отставала от Европы. Петр, – хотя и варварскими методами, – пытался поставить Россию на один уровень с европейской техникой, моралью, общественным бытом и т. д. Огромное значение при этом придают пребыванию Петра в Европе и его впечатлениям, толкнувшим его на путь реформ. Чистота, гуманность и благоустройство Европы были противопоставлены варварству, грязи и отсталости Москвы. Но эти выводы основаны на преклонении перед Западом или, как это называл выдающийся русский мыслитель Н.Я. Данилевский, «европейничании», начало которому положил Петр I. Мнения о том, что Петра к реформам толкнуло пребывание в «цивилизованной» Европе, придерживаются многие историки, причем без какого-либо исследования вопроса, и это мнение укоренилось в умах большинства людей.

Большинство историков, рисуя поездку Петра за границу, описывают Европу, по словам И. Солоневича, «в виде этаких мирных благоустроенных земель, состоящих под опекой благопопечительных и благопросвещенных правителей, воспитывающих народы свои не батожем и пытками, а мерами разумного и нравственного воздействия, – этакий сплошной саардамский парадиз». Однако Западной Европы, в которой Петр мог бы увидеть процветание, чистоту и гуманность, в то время просто не было. Даже сам Петр во время визита в 1717 г. во Францию писал: «А сколько дорогою видели, бедность в людях подлых великая».

Запад XVII в. был очень далек от тех стереотипов «культурности», которые сложились намного позже и которые преподносятся как «исконные». Как и Россия, Европа была аграрным регионом, сельское население ее составляло свыше 90 %. Были только три крупные столицы Париж (400 тыс. жителей), Лондон (200 тыс.) и Рим (110 тыс.). В других столицах и значительных городах (Стокгольм, Бристоль, Лион, Руан и др.) население было от 20 до 40 тысяч. Население же большинства городов составляло от 1 до 5 тыс. жителей.

Скученность и грязь были характерными чертами подавляющего большинства городов. Поскольку земля в городах стоила дорого, то чтобы на небольшой площади разместить как можно больше жилья, надстраивались этажи. Причем, каждый этаж имел выступ над нижним: второй над первым, третий над вторым и т. д. И если в Париже Генрих IV запретил надстраивать верхние этажи в сторону улицы, то в других городах (не только французских) таких запретов не было. В Париже был вымощен только бульвар Cours la Reine («Бульвар Королевы»).

На невымощенных и не имеющих тротуаров улицах, не превышавших шириной 2-х метров (показываемые в кинофильмах сцены о едущих по Парижу в одной шеренге четырех всадниках – чистейшей воды вымысел), напоминавших тоннель, не хватало света и воздуха, скапливались испарения от отбросов и отходов жизнедеятельности, которые выбрасывались и выливались в канавы, проходившие по центру улицы. Осенние и зимние туманы и испарения смешивались с дымом печей, и города были покрыты душным облаком. Антисанитария вызывала эпидемии, которые сильно уменьшали население. Например, эпидемия 1630–1631 гг. только во Франции унесла 1,5 млн жизней. В итальянских Венеции, Вероне, Милане, Турине вымерло от трети до половины жителей. «Великая чума» 1665–1666 гг. унесла жизни примерно 60 тыс. жителей Лондона (одну пятую). Не случайно Петр I во время посещения Франции говорил, что «Париж воняет» и «от смрада вымрет».

Войны, болезни и эпидемии XVII в. сильно сократили ее население. В целом население Западной Европы за период 1648–1713 гг. сократилось на 16 млн (в 1648 г. – 118 млн, в 1713 г. – 102 млн). До 50 лет доживали только богатые, бедняки же жили до 30–40 лет. Дороги Европы были переполнены разбойными бандами, участников которых, в случае поимки, правительственные войска сотнями и тысячами вешали тут же на дорогах, – для устрашения. Поэтому полной выдумкой является фраза, вложенная Алексеем Толстым в уста Петра, что «за границей не воруют, не разбойничают».

Тяжелейшие последствия для экономического развития германских государств имели статьи Вестфальского мира, касавшиеся судеб балтийского побережья. Наиболее ценная часть Германии – устье Одера – очутилась в руках Швеции. Это усугубило отрицательные последствия перемещения на запад торговых путей, уже до этого затормозившего экономическое развитие германских государств, а, следовательно, и всей Германии. Война довершила подрыв Ганзейского союза и вызвала дальнейший упадок производства сельскохозяйственных продуктов и сырья, добычи полезных ископаемых, этой важной отрасли германской экономики, сокращение городского населения.

От военных действий, болезней и голода погибло три четверти населения страны. В результате Тридцатилетней войны целые округа Бранденбурга превратились в пустыни. В Аугсбурге из 6 тысяч ткачей к середине XVII в. осталось лишь 500. В Саксонии в 80-х гг. XVII в. осталось лишь несколько сот ремесленных мастеров из 20 тысяч мастеров, имевшихся в этой провинции в предыдущие десятилетия. Хозяйственному восстановлению в сильнейшей степени препятствовали внутренняя раздробленность и тесно связанное с ней вмешательство во внутренние дела Германии извне, в особенности со стороны Франции и Швеции – главных соперников Австрии в борьбе за гегемонию в Европе.

Мир, установленный в 1648 г., был для Германии понятием относительным: за 73 года – с момента окончания Тридцатилетней войны до 1721 г. – страна была втянута в 10 крупных войн, длившихся в общей сложности 65 лет. Германские государства или подвергались нападению и вынуждены были защищаться или оказывались местом вооруженной борьбы войск других государств, бесчеловечно опустошавших их территории. Нередко, однако, участие тех или иных из германских княжеств в войнах было вполне добровольным и обуславливалось стремлением поживиться за счет других государств, входящих в империю.

Властители германских государств не гнушались попросту продавать своих подданных для участия в войнах, к которым не имели даже косвенного отношения. Например, накануне войны с Голландией (Нидерландами), начавшейся в 1672 г., Людовик XIV за сравнительно недорогую цену – 11 тыс. талеров – обеспечил себе помощь армии кельнского курфюрста, насчитывавшей 18 тыс. человек. Несколько дороже – 13 тыс. талеров – обошлись Франции 19 тыс. солдат, «уступленных» мюнстерским епископом. Только за вторую половину XVII в. немецкие князья получили, таким образом, более 137 млн ливров у Франции и 45,5 млн ф. ст. за аналогичные услуги от Англии.

Нидерланды, зачастую называемые Голландией (по названию одной из крупнейших провинций), считались самой богатой страной в XVII в. Богатство Нидерландов состояло в огромном скоплении банковских капиталов (в основном в Амстердаме). Несмотря на это, страна имела в то же время наибольшую государственную задолженность. По словам современного исследователя финансовой истории Голландии Э. Бааша, «ни одна страна в мире не знала так много налогов, как Нидерланды». Как писал один путешественник, в Голландии, прежде чем подать на стол кушанье из рыбы, нужно было уплатить тридцать различных налогов. В XVII в. Голландия считалась страной самых высоких цен. После Тридцатилетней войны, в которой Нидерланды принимали участие, народ страны считался самым бедным в Европе и терпел более жестокий гнет, чем в других странах. В некоторых провинциях (Гелдерланде, Оверэй-

селе, Северном Брабанте) сохранялась полукрепостная зависимость крестьян, которую отменили только в конце XVIII в.

В городах некоторые рабочие получали за неделю такую плату, которой им хватало на два-три дня. На многих мануфактурах Амстердама работали исключительно дети и подростки. Рабочий день длился по 14–16 часов. Нидерланды, вместе с Англией, были родиной так называемых «работных домов», в которых людей заставляли работать в рабских условиях. Государственные долги и связанное с ними тяжелое бремя прямого и косвенного налогообложения способствовали обнищанию крестьян и ремесленников. Этому также содействовали разорительные торговые войны.

В 1651 г. Кромвелем был принят «Навигационный акт», которым был нанесен сильнейший удар по посреднической торговле. Согласно этому акту, товары из Азии, Африки и Америки следовало ввозить в Британию и ее владения только на английских судах, а европейские товары – на английских судах или судах страны-экспортера. Такой порядок полностью подрывал основу богатства и могущества Нидерландов – посредническую морскую торговлю, что привело к ряду войн. В результате англо-голландских войн (1652–1654, 1665–1667, 1672–1674 гг.) Нидерланды были разгромлены Англией. Тяжелое положение Нидерландов усугублялось и франко-голландскими войнами (1665–1667, 1672–1678, 1688–1697 гг.). Войны конца XVII – начала XVIII вв., частью проходившие на территории Нидерландов, сильно истощили страну.

Иностранцев, попадавших в Нидерланды, поражало, что эта богатая страна кишела бродягами и нищими. Голодные массы на улицах рвали в клочки представителей власти – власть отвечала репрессиями. Происходили многочисленные восстания. В 1680 г. было большое восстание в Роттердаме, а в 1695–1696 гг. – в Амстердаме. Во время пребывания в Саардаме Петр и сам подвергся нападению детей. Возвращаясь с верфи, Петр угостил встретившихся ему детей купленными сливами. Увидев это, подошли другие дети и стали тоже просить слив. Но Петр решил, очевидно, их подразнить и не давал слив. Тогда дети стали бросать в Петра комками земли и камнями. Один мальчик попал Петру камнем в спину, а другой комом земли – в голову. Видевшие это жители за Петра не вступились, хотя и знали, кто он. Ну конечно, европейская «терпимость» (или, как сейчас модно, «толерантность») и невмешательство. На Руси за такие проделки мальчишкам бы надрали уши.

Лучше, но все же не блистательно обстояли дела в Англии, куда Петр направился из Голландии. Лондон, к моменту прибытия туда Петра, продолжал отстраиваться после «Великого лондонского пожара 1666 г.», истребившего около 60 % города. Человеческие жертвы этого пожара были мизерными (восемь человек), но Лондон еще не оправился от последствий «Великой чумы» 1665–1666 гг. Англия перед приездом Петра прошла буржуазную революцию (естественно, не бескровную), последовавшие за ней ряд войн, реставрацию Стюартов. В 1695 г. в Англии была предпринята монетная реформа, имеющая целью искоренение порчи монет, зло от которого было неисчислимо.

«Все зло, – писал английский историк того времени Томас Макколей, – которое терпела Англия в течение четверти столетия от дурных королей, дурных министров, дурных парламентамтов и дурных судей, едва ли равнялось тому злу, которое делали ей в один год дурные кроны и дурные шиллинги... Даже коммерческие люди путались в хаосе, которому подвергались все денежные расчеты. Жадность беспощадно грабила людей простых и беспечных, и ее требования с них росли быстрее даже того, чем уменьшалось достоинство монеты. Цены первых потребностей: обуви, эля, овсяной муки, быстро росли...»

О «гуманизме» Европы свидетельствуют хотя бы такие факты. Перед самым приездом Петра умер «гуманный» саксонский судья Карпцф, по приказам которого только в одной Саксонии, которая по площади была не более двух-трех Российских губерний, были казнены 20 000 человек. В Англии в царствование Генриха VIII (1509–1547) только за бродяжничество

было казнено 72000 человек, при правлении Елизаветы (1558–1603) было казнено около 90000 человек⁶. В 1682 г. в Англии была сожжена ведьма, а в 1712 г. аналогичная «процедура» там не состоялась благодаря упорству судьи. Почти весь XVIII век англичан казнили за кражу 5 шиллингов, женщин вешали за кражу носового платка. Повешение за кражу детей не старше двенадцати лет было обычной нормой. Лондон называли городом виселиц. Публичные казни в Англии были отменены только в 1868 г.

Кстати, примеры «гуманизма» можно было взять и в других европейских странах. В Испании (хотя в ней Петр и не был) восшествие в 1700 г. на престол короля Филиппа V было «отмечено» торжественным аутодафе (публичным сожжением) 138 человек. Во Франции еще в первой половине XVIII в. была обычной казнью колесованием (одна из самых ужаснейших по мучительству). Кстати, первым европейским новшеством, которое ввел Петр по возвращении из Европы, была казнь колесованием.

«Просвещенные» европейцы очень «гуманно» вели себя и в колониях. Например, в августе 1692 г. в английской колонии Массачусетс (ныне штат США) за колдовство были повешены пять женщин. Рабство⁷ в Америке ввели английские колонисты. Как вели себя выходцы из Европы с индейцами Северной Америки, а испанские конкистадоры с индейцами Южной и Центральной Америк и Карибских островов, всем известно. Уничтожение и расовая дискриминация чернокожих жителей Южной Африки продолжалась до середины XX в. (вначале бурами, выходцами из Голландии, а затем сменившими их английскими колонистами). Да и вообще, колониальная зависимость Африки закончилась в 1960-х гг.

Все, что мог вывезти Петр из Голландии и Англии – это знания о кораблестроении и возможность стать из простого плотника ученым мастером. А также впечатления от кораблей, их маневров, оружия и его производства. Разговоры о том, что Петр в совершенстве овладел корабельным делом, вызывают сильное сомнение, поскольку для этого нужны годы. Кроме того, корабли имели свои секреты (как выбирать дерево, как его сушить, как пропитывать и т. д.), которые передавались из поколения в поколения наследникам или лучшим ученикам, но никак не потенциальным конкурентам.

⁶ Для сравнения: за время правления Ивана IV Грозного (1533–1584), правившего немногим более Елизаветы, было казнено, по разным оценкам, от 4 до 7 тыс. человек.

⁷ Для сведения: рабство в США было запрещено тринадцатой поправкой к Конституции, вступившей в силу 18 декабря 1865 г., после гражданской войны (1861–1865 гг.). В штате Миссисипи эта поправка была утверждена только в 2013 г. В России крепостное право, в корне отличавшееся от рабства, было отменено в 1861 г. без войны.

Глава вторая

«Наследство», полученное Петром

Под влиянием искаженной (в школьных учебниках, научной и художественной литературе, в кино) исторической науки, у очень многих утвердилось ложное представление о государстве, которое досталось в «наследство» Петру. Московское царство изображалось рутинным, оторванным от мира государством, в котором на все иностранное и на иностранцев смотрели со страхом и недоверием. Забитым и безграмотным народом управляли глупые и ленивые бояре, упорно придерживающихся ношения «неудобной» русской одежды, основной «работой» которых было вкусно поесть и хорошо выпить. Эта ложь как раз и стала «фундаментом» петровской легенды.

Начнем с внешних признаков. Во-первых, ношение своей национальной одежды никогда не являлось признаком отсталости. Вводимая в повседневное ношение иностранная одежда была для стран, откуда ее позаимствовали, национальной. Во-вторых, ношение «немецкого» платья не было для москвитян новшеством. Царь Алексей Михайлович в детстве носил немецкое платье, как и прочие дети царя Михаила Федоровича. Конечно, взойдя на престол, он стал соблюдать традиции и носил русское платье, запретив при дворе ношение немецкого платья. Но этот запрет не распространялся на всю Москву. Например, дворня Никиты Ивановича Романова, дяди царя, одевалась в немецкое платье. Сам боярин за стенами Кремля тоже ходил в немецком платье. При правлении Федора Алексеевича всем придворным, военным и государственным чиновникам было приказано носить иноземное платье. Поскольку Федор, владевший польским языком, увлекался польскими книгами, любил польское платье и музыку, то платье носили польское, а не немецкое. В старой русской одежде вход в Кремль был воспрещен.

Бритье бороды было известно задолго до Петра. Первым побрился еще Иван III, дед Ивана Грозного. А Василий III после второй женитьбы на молодой Елене Глинской, матери Ивана Грозного, брил бороду постоянно. При царе Федоре было рекомендовано брить бороды. Фаворит царевны Софьи и фактический «премьер-министр» Василий Васильевич Голицын все время ходил с выбритой бородой. Но основная масса мужского населения Москвы не хотела принимать этот европейский обычай, считая это нарушением религиозной традиции. У подавляющего большинства мужского населения не нашлось приверженцев зловерной привычки курить (хотя она также была известна до Петра), поскольку курение табака в православии считается каждением дьяволу. Кстати, когда в Англии Петру, который заключил договор на покупку табака, заметили, что русские, особенно духовенство, испытывают отвращение к табаку и считают его употребление грехом, то он ответил: «я их переделаю на свой лад, когда вернусь домой».

И уж совсем полный бред – это оторванность Москвы от внешнего мира. Уже во второй половине XV в., в правление Ивана III, взаимосвязи России и Запада получили широкое развитие. В Москву приглашали великих итальянских архитекторов. Были налажены дипломатические отношения с Ватиканом, Венецией, Священной Римской империей немецкой нации, Венгрией, Данией. Эти контакты продолжились и при Василии III, сыне Ивана III. При Иване Грозном англичане открыли северный морской путь в Московию. Увеличивалось количество иностранных технических специалистов, которых принимали на русскую службу. У Ивана Грозного врачи были иноземцы. Немец Яков Рейтенфельс, проживший в Москве два года, отмечал, что немалое число должностей (правда, не наиболее важных) при Алексее Михайловиче занимали иностранцы – толмачи (переводчики), все врачи. К примеру, англичанин Самуэль Коллинс служил придворным врачом в 1659–1666 гг.

В Москве не могли смотреть на иностранцев, привлеченных Петром на службу, как на диковинку. Первая Немецкая слобода появилась при Василии III, который завел себе наемную

стражу из иностранцев и отвел им для поселения слободу Наливки, по одной из версий получившей такое название из-за кабака, где наливали водку иностранцам и стрельцам. Месторасположение Немецкой слободы менялось. С 1652 г. Немецкая слобода обосновалась на правом берегу Яузы, близ ручья Кукуй (Кокуй), отчего и получила в простонародье второе название.

Сложившиеся в Европе условия, о которых выше сказано, не позволяли в середине XVII в. вести там активную торговлю. Однако московские «книжные люди» в XVII века знали о Египте, Абиссинии, Берберии, Флориде, Мексике, Бразилии, Перу, Цейлоне, Яве, Суматре, Китае. Русские казаки-землепроходцы на кочах (о них расскажем ниже) и конях открыли Обь, Иртыш, Енисей, Лену, Индигирку, Колыму, Берингов пролив, Камчатку, Амур, основали ряд поселений, на базе которых возникли города Тюмень, Тобольск, Сургут, Салехард, Томск, Красноярск, Якутск, Олѣкминск, Чита, Улан-Удэ, Курган.

Миф о Петре как о создателе новой армии развеивается даже допетровским лексиконом. В допетровском «Лексиконе вокабулам новым» есть слова: генерал, капитан, квартирмейстер, кампания, майор, regiment, рота, ротмистр, сержант, солдат, фельдфебель, фронт, фурьер. Там же можно встретить и слова: граф, канцлер, квадрат, натура, секретарь, танцы, фальшивый, фортуна и другие, введение которых приписывают Петру.

Новые армейские подразделения начали создаваться примерно с 1630 г. при помощи иностранных специалистов. Большую часть их расформировали после неудачной войны с Польшей 1632–1634 гг. При царе Алексее Михайловиче эксперимент повторили в более широком масштабе, и отряды нового типа – рейтары (кавалерия) и солдаты (пехота) – постепенно стали основой московских армий. Были также созданы подразделения легкой кавалерии – драгуны.

Вооружение у русской армии было отличного качества. Например, кольчуга из 50 тыс. колец весила всего 6–ю кг и была легче, надежнее и удобнее кирас европейской конницы. Хорошей саблей считалась та, которой можно было на лету рассечь газовый (т. е. из легкой прочной ткани) платок. Артиллерия была одной из лучших в Европе и состояла из стенобитной и полевой. Иностранцы поражались количеству артиллерии в Москве. Были орудия, в которых мог сидеть человек и «стреляющие сотней пуль с гусиное яйцо». Причем были не только, так сказать, «выставочные образцы», как Царь-пушка, но действующие гиганты – «Павлин», «Василиск» и другие.

Русская пехота «солдатского строя» уже в 1647 г. имела первый строевой устав – «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей». Этот устав ни в чем не уступал «хитрым премудростям заморским». Армия насыщалась ручным огнестрельным оружием (мушкеты, завесные пищали с фитильными запалами). Расширялось производство артиллерии (тульские, каширские и др. «вододействующие» заводы, Пушечный двор в Москве). Особо отметим, что с XVII в. на Руси пушки отливали по чертежам, опередив Западную Европу на полтора столетия.

Во второй половине XVII столетия было начато производство ручного огнестрельного оружия «русского дела» (мастерские «самопальников» в Туле, Оружейная палата в Москве). Полки получали оружие, боеприпасы и снаряды из государственного арсенала – «царской ружейной казны». Периодически проводилось строевое обучение. Следует отметить, что в XVII в., на 40–50 лет раньше, чем в Западной Европе, в русской армии существовала форма, но она не была единой, каждый полк имел свою форму. В 60–70-х гг. XVII в. две трети солдатских полков были вооружены новыми, на то время самыми современными, ударно-кремневыми ружьями.

Работа по реорганизации армии продолжалась и в царствование Федора Алексеевича. К концу 1681 г. под председательством князя В. В. Голицына был создан совет армейских офицеров, чтобы обсудить основные реформы модернизации русских вооруженных сил. О необходимости реформ говорил анализ недавних войн, в которых противники показали новые тактические приемы, и их нужно было принять во внимание. Было предложено заменить традиционное

дворянское ополчение регулярной армией, состоящей из полков, подготовленных по современным западным образцам, и в связи с этим упразднить местничество⁸, генеалогическое старшинство при назначении на военную и гражданскую службы.

12 января 1682 г. царь Федор повелел «случаи местничества полностью искоренить, а для их полного искоренения и вечного забвения мы желаем, чтобы все прошения касательно прежних случаев и разрядные книги предать огню». Что и было немедленно сделано. После этого был утвержден «Устав о служебном старшинстве бояр, окольничих и думных людей по тридцати четырем степеням». Он был предшественником более сложного табеля Петра I. Отличительной чертой этого проекта было разделение гражданской и военной службы. В армии царя Федора Алексеевича новая конница и пехота в 1681 г. составляли 89 тыс. (29 844 конников и 59203 пехотинцев), что составляло 54,3 % от общего количества войск (164 тыс.).

На основании расположения московских вооруженных сил по южной и западным границам, были созданы несколько военных округов под названием «разряды». Эта система распространилась на большую часть России. Чтобы упростить финансирование разрядов и сделать экономически независимыми, средства от налогов, собираемых на их территории, оставались в распоряжении разрядов. Впоследствии разряды послужили моделью для петровских губерний.

В решении завести флот Петр I не был новатором. Начало судостроению было положено в царствование царя Михаила Федоровича. В 1634 г. в Москву прибыло посольство Шлезвиг-Гольштейнского герцогства. Посольство получило разрешение русского царя на постройку десяти транспортных судов и на плавание по Волге и Каспийскому морю. Строительство велось на верфи в Нижнем Новгороде. Летом 1636 г. был построен парусный корабль, названный в честь герцога Гольштейнского «Фредерик». Однако в первом же рейсе корабль попал в шторм и был выброшен на берег возле Дербента. Дальнейшая постройка судов не состоялась.

У царя Алексея Михайловича была мысль завести свой флот раньше приобретения гаваней. После неудачной попытки покорения Лифляндии боярин А. Л. Ордин-Нащокин занимался в Кокенхузене (ныне Кокнесе, Латвия) на Западной Двине постройкой военных судов, предназначенных для осады Риги. В 1662 г. московский посол вел переговоры с курляндским канцлером о «заведении» в курляндских гаванях русского флота.

Русскими и голландскими корабельными мастерами под руководством Якова Полуектова в 1669 г. были построены трехмачтовый корабль «Орел», яхта, бот и несколько небольших суден. По словам Петра «от вышеупомянутого начинания, яко от семени нынешнее морское дело произошло». Корабль «Орел», спущенный в Каспийское море, был захвачен казаками Разина после взятия Астрахани, но не использовался по назначению. По одной версии корабль был сожжен, по другой, корабль, простояв много лет в протоке Кутум, пришел в негодность.

В 1672 г. Московское государство объявило войну Османской империи. Основные сражения предусматривались на отдаленном Азовском театре военных действий. Для этого под Лебедяню, близ Воронежа было начато строительство нескольких сот речных транспортных судов и десятков – для действий на море. На этих судах, под командованием И. С. Хитрово и Г. И. Косагова (Косогова, Касогова), направились два солдатских полка и восемь стрелецких приказов (всего 7941 чел.). Им удалось блокировать Азов с моря, но из-за недостатка пехоты и конницы завершить блокаду с суши не удалось. Поэтому пришлось отступить.

Через два года, в 1674 г. 25 судов под командованием Косагова предприняли попытку выйти в Азовское море по реке Миус. Но на выходе из Миусского лимана стоял сильный и

⁸ Местничество – система распределения служебных мест в Московском государстве в XIV–XVII вв. при назначении на военную, административную и придворную службы, с учетом происхождения, служебного положения предков и личных заслуг.

опытный в морских делах турецкий галерный флот. Косагов благоразумно решил повернуть обратно.

Издавна строительство судов существовало на севере страны. Верфь Соловецкого монастыря с XV в. строила морские ладьи, а верфь братьев Строгановых, созданная в 1590 г. в Соломбале (предместье Архангельска), строила корабли для плавания в северных морях на острова Новую Землю, Грумант (Шпицберген). В XVII столетии на реке Вавчуге при впадении ее в Северную Двину уже существовала русская корабельная верфь братьев Важениных, строившая морские и промысловые суда различных типов. Корабли, построенные на этой верфи, отличались большой прочностью и оценивались голландскими и английскими купцами во много раз выше кораблей, построенных на голландских и английских верфях.

Несмотря на это, А. Толстой в своем романе пишет: «И уж до того жалки показались домодельные карбасы, когда проплывали мимо высоких бортов кораблей...» В отношении русских поморских суден такое мог написать или человек не знающий, или лживый. На «жалких домодельных карбасах» русские моряки не смогли бы плавать в морях Северного Ледовитого океана, которые были известны им уже в XI столетии. В XII–XIII вв. русские моряки совершали регулярные плавания у берегов Белого моря и северного побережья Кольского полуострова, открыли острова Вайгач, Новая Земля; в конце XV в. – архипелаг Шпицберген. В первой половине XVI в. русские освоили Мангазейский морской ход – западный участок Северного морского пути от Северной Двины до устья Оби. В 1601 г. поморы на реке Таз основали порт Мангазею, пути от которого тянулись вокруг полуострова Таймыр к устью Лены. В 1648 г. С. И. Дежнев проплыл от устья Колымы вдоль северного берега Чукотки и открыл пролив между Азией и Америкой (в честь Дежнева назвали мыс). И это на «жалких» кораблях?

Чтобы закончить с поморскими судами, отметим, что знаменитое судно «Фрам», на котором совершали свои полярные экспедиции выдающиеся полярные исследователи Фритьоф Нансен, Отто Свердруп и Руаль Амундсен (покоритель Южного полюса) было построено по типу поморских кочей. На борту кочей имелись корабельные компасы, были специальные приспособления для стаскивания с мели и водоотливные устройства – гидравлические насосы, приводимые в действие ветряками. Коч при попутном ветре проходил до 250 км в день.

Правда, нужно признать, что военно-морского флота у Москвы не было. Постройка военных кораблей под руководством Ордина-Нащокина и эскадра Косагова были разовыми мероприятиями и флотом считаться не могли. Но существовал мощный торговый и рыболовецкий флот, что подтверждается и наличием корабельных верфей. Не только поморские кочи добывались в «заморские страны», в Англию и Шпицберген, и ходили по пути, позже названному «Северным морским», но и каспийские корабли – бусы, ходили в Персию и Азербайджан.

В русских источниках буса (бус) впервые упоминается в Троицкой летописи (XV в.). О том, что буса (бус) – судно для морского плавания, свидетельствуют материалы, отражающие деятельность делового двора Астрахани (учреждение, занимавшееся строительством судов и мореплаванием по Каспию), дипломатические связи России со странами Востока, а также воспоминания современников (Дженкинсона, А. Олеария, Яна Стрейса и др.). «По свидетельству очевидцев, – пишет Ю.П. Тушин, автор исследования о мореходстве на Каспии, – бусы отличались значительной грузоподъемностью. Так, англичанин Дженкинсон в конце XVI в. купил в Астрахани судно для плавания по Каспию и перевез на нем груз, для которого потребовался караван в 1000 верблюдов, т. е. более 200 т, в то время как из Англии в Архангельск он прибыл на судне грузоподъемностью 120 т.» Правда, эти суда и способы их вождения были примитивны, плавание на них было небезопасно.

Не была для русских новинкой и организация промышленности. Уже правительство царя Михаила решительно приступило к организации горного и чугунолитейного дела. В 1626 г. с Запада начинают приглашать «рудознатцев». С этого времени, особенно в царствование Алексея Михайловича, редкое посольство за границу не получает поручения подыскать «знат-

ных мастеров» в литейном, пушечном, бархатном, канительном, стеклянном и других делах. Стали накапливаться технические знания и из опыта предыдущих поколений русских ремесленников, и от зарубежных специалистов, приезжающих в страну. Переводилась западная техническая и научная литература. Поэтому, к середине XVII в. русские технические специалисты достаточно свободно разбирались в физике, химии и геологии, которые были необходимы для работы в различных отраслях промышленного производства и поиске полезных ископаемых.

Интересны отзывы о русских ремесленниках иностранцев, в частности литовцев. Михалон Литвин, автор сочинения «О нравах татар, литовцев и москвитян» (1550 г.) писал: «Так как москвитяне воздерживаются от пьянства, то города их славятся ремесленниками, прилежно изготовляющими различные изделия; они снабжают нас деревянными чашками и посохами... также седлами, саблями, конскою сбруею и разного рода оружием, получая за эти предметы наше золото».

Самуил Маскевич, находившийся с польскими войсками в Москве в 1611 г., писал в своем дневнике: «Все русские ремесленники превосходны, очень искусны и так смышлены, что все, чего сроду не видывали, не только не дельвали, с первого взгляда поймут и сработают столь хорошо, как будто с малолетства привыкли, в особенности турецкие вещи: чепраки, сбруи, седла, сабли с золотою насечкою. Все вещи не уступят настоящим турецким». Обращаю внимание – это писали враги России.

Привлекались не только носители технических знаний, но и капиталы, инвестиции, как сейчас модно говорить. В 1632 г. голландский купец Андрей Виниус, перешедший в русское подданство, построил первый железоделательный завод около Тулы для изготовления железа, оружия и снарядов. Впоследствии Виниус привлек к делу голландских купцов. Через 20 лет такую же концессию на 20 лет получает компания гамбургских купцов. Близ Немецкой слободы находились три завода – железоплавильный, стеклянный и бумажный. Доходы от одних только железных рудников в XVII в. приближались к 50 тыс. рублей. Заводы, организованные иностранцами, выполняли не только задачи удовлетворения военных нужд государства, но и удовлетворения требований правительства, «чтобы нашего государства люди того ремесла переняли». То обстоятельство, что во главе многих заводов и фабрик петровских времен стояли русские люди, вкладывавшие свои капиталы и труды на свой страх и риск, используя русских мастеров и рабочих, стало возможным только благодаря фабрично-заводским опытам в XVII в.

Происходило выделение промысловых районов. Так, в районе Тулы, Каргополя и Устюжны сложились железоделательные промыслы. Поволжские районы (Ярославль, Кострома, Казань, Нижний Новгород) и районы Архангельска и Белозерска сосредотачивали кожевенные, деревообрабатывающие, суконные и полотняные промыслы. Во второй половине XVII в. было основано около 160 новых городов. Складывался всероссийский рынок, центром которого была Москва: Подмосковье поставляло мясо и овощи, Среднее Поволжье – коровье масло; рыбу поставляли Поморье, Нижнее Поволжье, Ростов; железо поставляли Тула, Галич, Устюжна, Тихвин; Ярославль, Кострома, Суздаль поставляли кожи; деревянную посуду – Поволжье и т. д. Из Астрахани, кроме рыбы и икры, везли виноградарскую продукцию, бахчевые, фрукты. Иностранцы восторгались ими и говорили, что они лучше, чем «даже в Персии».

Торговые связи между городами и регионами были хорошо налажены. Например, Тихвин с его ежегодными ярмарками поддерживал торговые связи с 45 городами. Огромную роль в торговом обороте играли ярмарки всероссийского значения – Макарьевская (близ Нижнего Новгорода), Свенская (под Брянском), Архангельская, Ирбитская (на Урале, на сибирском тракте) и другие, продолжавшиеся в течение нескольких недель. Была развита и внешняя торговля. Через Архангельск и Холмогоры осуществлялась торговля с Англией, Голландией, Данией. Доходы от пошлин в Архангельске доходили до 300 тысяч рублей. Торговые обороты

московских купцов доходили до сотен тысяч рублей (до миллиона в деньгах начала XX в.). Торговали русские купцы и через Нарву и Ригу.

Для иностранцев Москва казалась страной сказочного изобилия. Ведь даже женщины из простолюдинов позволяли себе наряжаться в шелк и бархат. Пряности, стоившие в Европе большие деньги, были доступны русским простолюдинам, хозяйки добавляли их в выпечку. В состоятельных домах корицу за столом подавали как лакомство прямо палочками, а перец стоял на столах в перечницах. Об этом австриец Гейс писал, что «в Германии, пожалуй, что и не поверили бы». Француз, капитан Жак Маржерет, завербованный в Россию в 1600 г. и покинувший страну в сентябре 1606 г., был удивлен обилием дичи и рыбы, дешевизной «съестных припасов»: «Во всей Европе нельзя найти лучших и более разнообразных пород пресноводных рыб, чем есть у них, и во множестве... и задешево, как и всевозможные другие съестные припасы». Участника польско-литовского посольства 1678 года чеха Бернгарда Таннера поразило обилие и дешевизна драгоценных камней: «Разных драгоценностей у москвитян много – жемчугу, смарагдов, бирюзы, сапфиров... мелкие граненые рубины до того у них дешевы, что продаются на фунты».

Реорганизация управления происходила еще до Петра. За 1679–1680 гг. были объединены несколько финансовых приказов. Правительство царя Федора также стало объединять небольшие приказы со сходными функциями в более крупные и комплексные. Боярская дума по своему составу и компетенции стала анахронизмом уже при Алексее Михайловиче и Федоре Алексеевиче. Боярство, как класс, разрушилось, и дума стала наполняться деятельными людьми. Отмена местничества лишила старое родовитое боярство использования Боярской думы как проводника своих интересов. Установившийся в XVII в. порядок принимать решения только после согласования с царем, что, по словам проф. Дьяконова, «низводило думу с места, ей ранее принадлежавшего в составе законодательной власти, и единственным источником последней становился тот, от кого дума получала свои полномочия, т. е. государь. Для преобразования такой думы в Сенат Петру Великому оставалось сделать немного».

Во второй половине XVII в. государство уделяло значительное внимание организации регулярной почтовой связи между Москвой и зарубежными странами. Для этого с 1665 г. была организована почтовая служба. С 1675 г. почтовой службой управлял уже упомянутый Андрей Виниус. Он был прекрасным почтмейстером и возглавлял службу двадцать шесть лет. Кстати, в 1677 г. его назначили дьяком (секретарем) Аптекарского приказа, а в 1689-м – дьяком посольского приказа. Почтовая служба, которой в Европе не было, хорошо функционировала благодаря организованной не позднее XVI в. ямской службе. Об организации этой службы приведем свидетельство Адама Олеария, секретаря посольств, посланных шлезвиг-гольштейнским герцогом к персидскому шаху, путь которых проходил через Россию, автора «Описания путешествия в Московию»:

«Чтобы дать возможность послам и эстафетам передвигаться поскорее, на больших дорогах заведен хороший порядок. В разных местах держат особых крестьян, которые должны быть наготове с несколькими лошадьми (на 1 деревню приходится при этом лошадей 40, 50 и более), чтобы, по получении великокняжеского приказа, они могли немедленно запрягать лошадей и спешить дальше... Вследствие этого расстояние от Новгорода до Москвы, в котором насчитывается 120 немецких миль, может быть совершенно спокойно пройдено в 6–7 дней, а в зимнее время, по санному пути, еще и того быстрее. За подобную службу каждый крестьянин [ямщик] получает в год 30 рублей или 60 рейхсталеров, может, к тому же, заниматься свободно земледелием, для чего получает от великого князя землю и освобождается от всяких поборов и других тяжелых повинностей. Когда они едут, то пристав должен каждому из них выдать по алтыну или по два (что они называют „помаслить хлеб“). Служба эта очень выгодна для крестьян, и многие из них стремятся быть ямщиками».

Существовал и «городской транспорт». Об этом есть свидетельство в дневнике Маскевича: «На рынке стоят всегда до 200 извозчиков, т. е. холопов, с одинаковыми саними, запряженными в одну лошадь. Кто хочет быть в отдаленной части города, тому лучше нанять извозчика, чем идти пешком: за грош он скачет как бешенный, и поминутно кричит во все горло: гис, гис, гис (берегись), а народ расступается в обе стороны». В Европе такого не было.

Проводились мероприятия по укреплению экономики и финансовой системы. С 22 апреля 1667 г. был введен в действие Новоторговый устав, ставший важной вехой в экономической истории России и знаменовавший собою крупную победу русских купцов над иностранными торговыми компаниями. Главными целями Новоторгового устава были увеличение импорта из-за границы золота и серебра, стимулирование товарооборота для сбора больших таможенных пошлин и помощь русским купцам в конкуренции с иностранцами. Этот устав поощрял вывоз товаров, а не сырья, и, следовательно, был направлен на развитие русской промышленности. Шла модернизация русских финансов как в отношении органов центральной финансовой администрации, так и системы налогов. В 1679 г. правительство царя Федора провело важную реформу. Взамен старой посошной (соха – условная единица земельного обложения) системы, единицей налогообложения стал двор.

Несмотря на низкую продуктивность русского сельского хозяйства, в XVII в. наблюдался постоянный рост валового роста продукта, т. е. увеличивались пахотные площади вместе с распространением сельского хозяйства на плодородные земли юга и запада. Изменение системы налогообложения, где основной единицей стал двор, сыграло положительную роль. У земледельцев появился стимул увеличивать площади обрабатываемых земель, поскольку это уже не предусматривало увеличения налога.

При царе Алексее Михайловиче в 1649 г. был создан свод законов. Этот документ стал официально известен как Соборное уложение. Уложение сразу же было напечатано в количестве 1200 экземпляров. Его многократно переиздавали и после 1649 г. Само же уложение было не компиляция иностранных источников, а действительно национальный свод законов, в котором смешались содержащиеся в нем иностранные элементы со старой московской законодательной основой.

Русская литература, которая, как и другие стороны культурной жизни, не была изолирована от общеевропейского развития, при царе Алексее Михайловиче переживала расцвет. Государственными учреждениями и частными лицами переводились художественные, богословские, исторические и технические сочинения западных авторов. Весьма высокий для Европы того времени уровень начального образования на Руси, позволял легко усваивать переводимую литературу. За первую половину XVII в. Печатным двором было выпущено около 200 отдельных изданий. В 1634 г. был выпущен «Букварь языка славенского, сиречь начало учения детям» патриаршего дьяка Василия Бурцева. Издание учебной литературы стало одной из важнейших задач Печатного двора. Во второй половине XVII в. значительно увеличилось и количество светских книг, выпускаемых Печатным двором. Зарождается бытовая повесть. В Москве появляются первые училища повышенного типа, как бы переходные ступени к университетскому образованию.

Существовала и учебная литература. Хотя основными учебниками были книги Священного Писания, но были: «Букварь», «Азбуковник» (наставления для учителей, со значительной суммой практических знаний в разных областях), «Стенам знаменье» (пособие по архитектуре), «Надзиратель» (переводная практическая энциклопедия по вопросам сельского труда и быта). Имелся ряд книг, содержащих значительные данные по природоведению, хотя и не без примеси суеверий, но не большей, чем в тогдашней западной науке.

Исследование надписей и подписей на документах показывает, что в начале XVI в. грамотными были 65 % дворян, 25–40 % посадских и 100% священнослужителей. В XVII в. грамотны были все дворяне и купцы и 60–70 % посадских. О грамотности крестьян судить трудно,

имеются данные, что они нередко собственноручно составляли челобитные. Вышеупомянутый Олеарий, посетивший кладбище в день поминания, писал, что многие простолюдинки читали имена покойников из книжечек (так называемых «синодиков»).

Изменения, проходившие в XVII столетии в музыкальной культуре, изобразительном искусстве, архитектуре и градостроении в целом, поражали размахом и многообразием изменений. Большое развитие получило каменное строительство. Каменные церкви появились не только в городах, но и стали обычным явлением в селах. В больших центрах немало строилось каменных зданий гражданского назначения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.